

ЧЕРНОМОРСКАЯ ДЕРЕВНЯ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.:
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

БЕРШАДСКАЯ О. В.

канд. ист. наук, доцент

*Всероссийского заочного финансово-экономического института,
филиала в г. Краснодар*

BLACK SEA VILLAGE IN THE
FIRST HALF OF XX CENTURY:
SOCIAL AND ECONOMIC ASPECTS

BERSHADSKAYA O. V.

В настоящей работе рассмотрены особенности исторической эволюции крестьянского хозяйства Черноморского округа в 1920-е гг., проанализированы проблемы и перспективы его развития.

The author examines the peculiarities of peasant holdings evolution in the Black Sea region in 1920s, problems and perspective of its development.

Ключевые слова: Черноморская деревня, социально-экономический аспект, Юг России, XX век.

Keywords: Black Sea village, social and economic aspects, the south of Russia, XX century.

УДК 908

Создание целостной концепции исторического развития Краснодарского края предполагает равнозначное изучение проблем Кубани и Черноморья. Однако внимание исследователей деревни Юга России сосредоточено в основном на кубанской станице, тогда как история сельских поселений Черноморского побережья остается в тени. Задачи настоящей работы заключаются в следующем: 1) рассмотреть особенности исторической эволюции черноморской деревни в первой трети XX в.; 2) определить проблемы и перспективы развития сельских поселений Черноморья в изучаемый период.

Географическая среда явилась одним из основных факторов, сформировавших феномен черноморской деревни. По природно-климатическим условиям Российское Черноморье значительно отличается от соседней Кубани и других регионов Северного Кавказа. Это – узкая полоса протяженностью около 300 км вдоль побережья Черного моря от Анапы до Сочи. Характерной особенностью данной местности является сложный горный рельеф. Большая часть территории прорезана рядом речных систем, поперечных Черному морю и отделенных друг от друга горными хребтами, т.е. представляет собой цепь относительно обособленных речных бассейнов-«щелей». Речные долины служили и «местом поселения и возделывания сельскохозяйственных культур, и путями передвижения» [1]. На большей части территории Черноморского побережья субтропический климат, и разница зимних температур между соседней Кубанью и районом Сочи иногда составляет 15 градусов. Особенностью региона яв-

ляются также тяжелые почвы, состоящие в основном из глины и песка и богатые известью. Они пригодны для садоводства и виноградарства, но затрудняют выращивание зерновых культур.

Исследуемая территория вошла в состав России лишь в 1829 г., а ее интенсивное заселение и освоение начинается после окончания Кавказской войны. В 1896 г. на карте Российской империи появилась новая губерния – Черноморская, которая была не только самой молодой, но и самой маленькой по площади [2]. В 1920 г. Черноморская губерния получила статус округа, который до 1924 г. входил в Кубано-Черноморскую область. С 1924 г. по 1934 г. Черноморский округ был самостоятельной административно-территориальной единицей в составе Северо-Кавказского края. Губернским, а затем окружным центром являлся г. Новороссийск.

Заселение Черноморья имело свою специфику. Русские и украинские переселенцы с трудом адаптировались к жизни в горной местности. Для выходцев из России и Украины традиционной отраслью хозяйства было производство полевых культур, которые в данных природно-климатических условиях (сложный рельеф, сырой климат, тяжелые глинистые почвы) давали низкие урожаи. С конца XIX в. на территорию Черноморья переселяются армяне из Трапезундского вилайета Османской империи. Эта территория, расположенная на южном побережье Черного моря от Батуми до Синопа, включала в себя историческую местность Амшен. Амшенские армяне на протяжении нескольких столетий находились под турецким игом, но, несмотря на это, сумели сохранить христианскую веру и уникальные культурные традиции. Трапезундский вилайет также явился местом исхода православных понтийских греков. Переселение представителей этих народностей на Черноморское побережье Кавказа было вызвано давлением и дискриминацией со стороны турецких властей. Трапезундский вилайет имеет природные условия, весьма схожие с природными условиями Черноморского побережья Кавказа. По-

этому армяне и греки быстро приспособились к привычным для них условиям существования и, будучи потомственными табакочивами, занялись выращиванием табака [3]. Российское правительство сделало ставку также на чехов, находившихся на более высоком уровне социально-экономического развития и применявших прогрессивные технологии и технику для обработки трудно осваиваемой гористой местности и культивирования ряда торговых сельскохозяйственных культур. Переселение чехов, подданных Австро-Венгрии, носило добровольный характер и шло при поддержке правительств обеих монархий. На рубеже XIX–XX вв. чехами были образованы селения Гайдук, Кирилловка, Мефодиевка, Текос и др. Они составляли значительную часть жителей Джубги и Архипо-Осиповки [4]. Переселялись на новые земли также выходцы из Белоруссии, Молдавии, Грузии, Польши, Прибалтики.

Таким образом, Черноморье складывалось как многонациональная территория. Численно преобладали украинцы, русские, армяне и греки. К концу XIX в. в сельских населенных пунктах губернии насчитывалось 1808 хозяйств (дворов), населения обоого пола – 10177 человек. Основное количество жителей обосновалось здесь до революции 1917 г., но и в первой половине 1920-х гг. продолжалось переселение отдельных народностей, главным образом армян и греков, с территории бывшей Османской империи [5].

К началу XX в. в Черноморской губернии сложилась своеобразная отраслевая структура сельскохозяйственного производства. На ее формирование оказали влияние как природно-климатические условия, так и общий уровень агрокультуры населения. В этот период прослеживалась дифференциация между «старожильческими» хозяйствами, владельцы которых обосновались со второй половины XIX в. вблизи городов и дорожных магистралей, и более молодыми «переселенческими» хозяйствами, образованными в первом десятилетии XX в. в отдаленных от побережья горных рай-

онах. Экономическое развитие «переселенческих» хозяйств, по данным на 1915 г., оценивалось следующим образом: «все они еще сравнительно молодые по времени и незначительные по вложенному в них труду и капиталу... преимущественно кукурузные» [6].

Распределение культур в прибрежной полосе было иным, нежели в горной местности, – здесь сыграла значительную роль разница в природно-климатических условиях. Побережье каждого из районов губернии имело свойственные именно ему преобладающие культуры. Например, хозяйства, расположенные в прибрежной полосе в окрестностях Новороссийска, специализировались на производстве винограда и пшеницы. В районе Геленджика преобладало производство плодов, табака и пшеницы. Далее на юг, включая Архипо-Осиповку, виноградников становилось значительно меньше, и основной сельскохозяйственной культурой являлась кукуруза. Количество виноградников возрастало вновь по направлению к Туапсинскому району, который по своей специализации был плодово-кукурузным. Район Сочи считался сливово-кукурузным, а Адлерский – табачно-плодово-кукурузным [7].

В первое десятилетие XX в. на развитие черноморской деревни оказали влияние так называемые «частновладельческие» хозяйства. 12 июня 1900 г. министром земледелия и госимуществ был утвержден Контракт на отвод частным лицам участков казенной земли в Черноморской губернии. В течение 5 лет владелец был обязан возвести на участке жилые и хозяйственные постройки и закультивировать определенную часть. По ценам 1895 г. затраты на культивирование самого маленького по размерам участка (не более 3-х десятин) составляли около 10 тыс. руб., поэтому владельцы частнособственнических земель в Черноморской губернии, как правило, имели крупное состояние или солидный, постоянный источник доходов [8]. Среди них были такие известные в России люди, как министры П. А. Столыпин и А. Н. Куропаткин, члены императорской семьи, князя Голицыны, Долгорукие,

Трубецкие, Оболенские и др. [9]. Некоторые из частных участков превратились в образцовые хозяйства. К примеру, Пенайское урочище, расположенное в окрестностях Новороссийска, стало «царством культуртрегеров», «виноградным мирком». Здесь на 50 десятинах, составляющих четверть общей площади Пенайских культурных участков, выращивался виноград, дающий высокие сорта вин: семилион, каберне, рислинг, мускат и др. [10]. Известный петербургский издатель С. Н. Худеков превратил свой участок, заросший некогда непроходимыми лесными делями, в шедевр паркового ландшафтного искусства. Впоследствии на участке С. Н. Худекова будет создан знаменитый сочинский «Дендрарий» – научно-исследовательское учреждение и любимое место отдыха жителей и гостей города-курорта.

Крестьяне, обитающие по соседству с частными владениями, заимствовали у их хозяев методы агротехники. По наблюдению исследователя Л. Е. Козлова, наиболее успешно плодоводство и виноградарство развивалось на участках, расположенных в непосредственной близости от образцовых частных хозяйств, «куда поселяне постоянно, особенно зимой, ходят на заработки и где приобретают необходимые ... знания» [11].

В годы первой мировой и гражданской войн черноморская деревня переживала острый кризис. На экономике губернии негативно отразились мобилизация трудоспособной части мужского населения, неоднократное повышение налогов при одновременном резком сокращении вывоза сельскохозяйственной продукции, ведение военных действий. Все это привело к уменьшению посевных площадей и в целом упадку сельскохозяйственного производства.

1920-е гг. являются важным этапом в развитии черноморской деревни. В этот период шло восстановление и дальнейшее развитие аграрного сектора экономики округа, определялись цель и задачи его развития, разрабатывались методы модернизации.

С прекращением военных действий на территории округа население возвраща-

лось в прежние места проживания, усилились и миграционные потоки. На Черноморском побережье Кавказа оседали в основном переселенцы из Украины, Центрально-Черноземного и Центрально-промышленного районов, а также армяне и греки – выходцы с территории бывшей Османской империи [12]. В целом же в Черноморском округе в период с 1920 г. по 1926 г. количество горожан увеличилось на 21751 человек, сельчан – на 110007 человек. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., в Черноморском округе было 8 городов (112484 человек) и 722 сельских поселений (178954 человек), соотношение городского и сельского населения составило 38,5 % и 61,5 % [13].

К 1929 г. в округе сложился следующий национальный состав сельского населения: русских и украинцев насчитывалось 65,9% (большинство их проживало в Анапском и Крымском районах), греков – 10,2 % (в основном были сосредоточены в Крымском, Геленджикском и Сочинском районах), армян – 10,4 % (в Сочинском районе их количество превышало численность представителей других народностей), молдаван – 3,5 %, грузин – 1,5 %, немцев – 1,3 %, чехов – 1,1 %, эстонцев – 0,9 %, поляков – 0,5 %. Общая численность черкесов в Черноморском округе составляла 2 %, при этом основная часть их проживала в Шапсугском районе (69 % от всей численности населения района) [14].

Характер расселения в Черноморском округе определялся сложным горным рельефом. По словам современника, сельские поселения «зачастую представляли собой хуторки из нескольких дворов, ... расположенных большей частью на склонах и ущельях гор» [15]. Большинство селений – 373 (51,7 %) насчитывало менее 100 жителей, доля населенных пунктов с количеством жителей менее 10 человек составляла 12,9 % [16]. В середине 1920-х гг. плотность населения в черноморской деревне составляла 7,8 человек на кв. км (для сравнения – в соседней Кубани плотность сельского населения была 35,7 человек) [17].

Количество крестьянских хозяйств в округе увеличилось с 11 243 в 1917 г. до 16 530 в 1923 г. [18]. Такая тенденция наблюдалась на протяжении всего периода НЭПа. В 1928 г. численность хозяйств составила 32,8 тыс., т.е. за пять лет, с 1923 по 1928 гг., численность крестьянских хозяйств возросла почти на 50 % [19]. Анализируя причины этого явления, следует иметь в виду, что в рассматриваемый период Черноморский округ пережил ряд административно-территориальных преобразований, в результате которых к его территории были присоединены Анапский и Крымский районы.

Вследствие сложного рельефа местности в пределах Черноморского округа (кроме части Анапского района) не встречалась общинная форма землепользования, характерная для других районов России и соседней Кубанской области. Земельные общества, числясь юридически общинными, фактически являлись участковыми и состояли из отдельных хозяйств. В пользовании каждого хозяйства имелись одна или несколько расчищенных полей, никогда не передаваемых. На общинных землях, как правило, находились лесные заросли. Крестьянские хозяйства развивались экстенсивно, методом освоения наиболее удобных расположенных участков земли [20].

В годы НЭПа в черноморской деревне продолжали развиваться отрасли сельскохозяйственного производства, сложившиеся на рубеже XIX–XX вв.: садоводство, табаководство, виноградарство, полеводство, разведение молочного и мясного скота. Отличительной чертой являлась выраженная национальная специализация сельскохозяйственного производства. Армяне и греки, как правило, занимались выращиванием табака; русские и украинцы отдавали предпочтение традиционному для них полеводству; эстонцы, немцы и чехи производили зерновые культуры, молоко и мясо; в хозяйствах грузин и молдаван доминировали виноградарство и выращивание кукурузы. Сады и виноградники встре-

чались во многих хозяйствах вне зависимости от национальных различий.

Спецификой черноморской деревни являлась высокая товарность сельскохозяйственного производства. Основные виды продукции (табак, фрукты, виноград) предназначались для рынка, а не для внутреннего потребления. В 1925 г. товарность местного сельского хозяйства оценивалась более 50 % (в Сочинском районе – до 80 %), тогда как в большинстве районов России она не превышала 25–40 % [21].

Большое значение в жизни населения черноморской деревни играли неземледельческие заработки. В горных районах, где сельскохозяйственное производство было затруднено, значительную часть валового дохода составляли промыслы, связанные с рубкой и заготовкой леса, сбором дикорастущих фруктов, ягод, орехов, каштанов. Так, например, в Шапсугском районе 76 % хозяйств имели неземледельческие заработки, а валовый доход от промыслов составлял 37,4 %. В прибрежных селениях практиковалась сдача жилья курортникам, и количество крестьянских хозяйств с промыслами колебалось от 54,8 % (Туапсинский район) до 66,7 % (прибрежная часть Геленджикского, Новороссийского и Анапского районов) [22].

Профессиональная структура черноморской деревни отличалась пестротой. Помимо крестьян, здесь были представлены рабочие, ремесленники, строители, железнодорожники. По данным переписи 1926 г., в сельской местности Черноморского округа насчитывалось 10749 рабочих разных специальностей [23].

Несмотря на высокотоварное производство, население черноморской деревни испытывало большие трудности и в отличие от сельских жителей соседних областей имело незначительный уровень доходов. Одним из основных факторов, препятствующих развитию черноморской деревни, являлось незначительное количество земель, удобных для посевов. Сложный рельеф местности, непроходимые лесные заросли создавали тяжелые условия для земледельцев. Ситуация ус-

гублялась наличием тяжелых глинисто-песчаных почв, непригодных для полеводства. В 1920-е гг. обеспеченность земель была следующей: в равнинной местности (часть Анапского и Крымского районов) она составляла 1,5–1,9 десятины, в горных районах, которые занимали почти всю территорию округа, колебалась от 0,5 до 0,16 десятины на едока [24]. Повсеместно была распространена чересполосица, устранить которую было невозможно из-за топографических условий. Дополнительные трудности создавало большое количество крестьянских хозяйств, которые стихийно возникли в годы революции и гражданской войны. В период военных катаклизмов многие поселенцы самовольно оставляли прежнее место жительства и перебирались на побережье, поближе к дорожным магистралям. Как правило, они занимали бывшие частновладельческие участки, оставленные своими хозяевами. У крестьян не было твердой уверенности в своих правах на обрабатываемый участок земли, что сказывалось на количестве и качестве сельскохозяйственной продукции. В итоге в приморской зоне образовалось много мелких поселков, которые, по мнению комиссии Северо-Кавказского земельного управления, обследовавшей Черноморский округ в 1926 г., «влачили жалкое существование» [25].

Серьезной проблемой являлось отсутствие путей сообщения между сельскими населенными пунктами и курортной зоной, что препятствовало сбыту продукции. Для жителей отдаленных горных селений доставка продукции была сопряжена с большими трудностями и материальными затратами. Это в несколько раз повышало себестоимость продуктов и делало их реализацию бессмысленной. Поэтому большая часть произведенной продукции оставалась в хозяйствах и не приносила прибыли [26].

В 1923–1924 гг. в Черноморском округе бедняков насчитывалось 60 %, в 1924–1925 гг. – 64 %, в 1926 г. – 65 %. Одновременно наблюдалось уменьшение середняцких и зажиточных хозяйств [27]. Наиболее зажиточным населением чер-

номорской деревни являлись немцы, чехи и эстонцы. Так, в эстонской деревне Сулево 37,9 % жителей имели доход от 55 до 100 руб., 28,5 % – свыше 100 руб. (без неземледельческих заработков) [28]. В армянских селах значительная часть населения располагала доходом от 33 до 100 руб. на едока, при этом процент хозяев, имеющих доход свыше 100 руб. на едока, составлял не более 4,5 %. Такой же уровень доходов – от 33 руб. до 100 руб. на едока – был у большинства греков, которые, как и армяне, предпочитали заниматься табаководством. Основная часть представителей коренной национальности – черкесов – проживала в Шапсугском районе. По данным на 1927 г., здесь насчитывалось 77,5 % хозяйств, имеющих доход до 30 руб. на едока, 16,5 % – доход от 30 руб. до 55 руб., 4,3 % – доход от 55 руб. до 100 руб., 1 % – доход свыше 100 руб. и 0,7 % черкесских хозяйств не имели дохода. Примерно одинаковым был уровень доходов в грузинской и молдавнской деревне – больше половины крестьянских хозяйств располагали доходом до 55 руб. на едока, около 35 % хозяйств имели доход от 55 руб. до 100 руб., и не более 10 % хозяйств – свыше 100 руб. на едока. Процент хозяйств, не имеющих дохода, колебался от 1,6 % до 6,2 % [29].

Что касается русских и украинских поселенцев, составлявших большинство сельского населения округа, то данные многочисленных обследований, проведенных в 1920-е гг., выявляли их «бедственное» положение. Выходцы из Кубанской области, центральных губерний России и Украины не могли переориентировать свое хозяйство на производство «высоких» культур и по-прежнему занимались выращиванием зерновых. Не обладая высокой агрономической культурой эстонцев и немцев, русские и украинские семьи постоянно балансировали на грани нищеты и голода. Как следует из отчета уполномоченных, обследовавших эти поселения по заданию Северо-Кавказского земельного управления, русские крестьяне, «не имея сносной дороги на шоссе, оторванные от агрономической помощи и культурных центров, ...

предоставленные сами себе, ведут ... в горах то же первобытное зерновое хозяйство, какое вели до переселения на равнине, и, естественно, мечтают не о расширении или культивировании своего землепользования, а о «деколонизации», с возвращением их на равнину в Кубанскую область» [30]. Подавляющее большинство украинских и русских хозяйств располагало доходом до 33 руб. на едока [31]. Во второй половине 1920-х гг. развитие русской деревни выражалось, главным образом, «в улучшении как жилых, так и надворных построек, незначительном увеличении площадей расчисток под посевы» и разведении «небольших садов» [32].

В годы НЭПа главной задачей государственного регулирования развития аграрного сектора Черноморского округа являлось непрерывное и своевременное обеспечение курортных учреждений продукцией сельского хозяйства. В этот период местные специалисты тщательно изучали особенности организационно-производственной деятельности крестьянских хозяйств с целью выяснить их потенциал. На основе полученных данных были разработаны планы развития сельскохозяйственного производства, реализация которых позволила бы черноморским городам и курортам получить собственную продовольственную базу. В докладной записке, составленной в 1926 г. и адресованной Наркомму земледелия, земельное управление Северо-Кавказского края изложило свое видение основных задач землеустройства в округе: «Землеустройство является необходимой основой, по которой может быть проведена дифференциация сельского хозяйства по типам, отвечающим природным особенностям ... различных мест Черноморского округа. В землеустройстве могут быть заложены предпосылки к оформлению в береговой полосе прикурортного и пригородного хозяйства, в высокогорной полосе – хозяйства скотоводческого. В районах главных лесозаготовок должен быть создан специальный тип мелких потребительских полукрестьянских-полурабочих хозяйств лесоводов и лесорубов» [33]. Однако данный план не нашел поддержки у представителей высших кругов власти и не был реализован.

При проведении землеустроительной политики центральные и краевые власти не принимали во внимание специфические природные условия Черноморского округа. По мнению окружного земельного управления, наиболее целесообразными формами для Черноморья были хуторская и участково-отрубная [34]. Но высшее руководство страны, имея в виду конечную цель землепользования – создание коллективных хозяйств, объявило борьбу с «хутороманией». Наиболее рациональной формой землепользования во всех регионах страны, в том числе и в черноморской деревне, была признана общинно-коллективная. Топографические условия округа не позволяли свести воедино земельные владения, разбросанные по склонам гор. В итоге в Черноморском округе приоритетной формой землепользования была избрана общинно-пайковая, «наряду с некоторым стремлением к отрубной системе», которая была неизбежной в местных географических условиях [35]. После землеустройства на каждого едока в среднем приходилось 0,68 десятин земли, что было крайне недостаточно для осуществления поставленной цели – превращения крестьянских хозяйств округа в фермерские предприятия, специализирующиеся на «высокоинтенсивных» культурах [36].

Во второй половине 1920-х гг. из сельскохозяйственного фонда была изъята часть земель «курортного значения», и крестьяне лишились ряда территорий, расположенных в удобной местности вблизи рынков и путей сообщения. На оставшейся территории землеустроительная политика в округе проводилась по классовому принципу. В первую очередь наделялись землей беднота и безземельные демобилизованные красноармейцы, они получали наделы на удобных землях, расположенных вблизи населенных пунктов [37]. Часто проведенное землеустройство давало импульс для развития хозяйственной инициативы бедноты. Однако не все бедняки, наделенные землей, вели на ней самостоятельное хозяйство, многие предпочитали сдавать полученные участки в аренду, что отражалось на социальных отношениях в черноморской деревне.

На закате НЭПа землеустройство в Черноморском округе начинает переориентироваться с устройства землепользования

индивидуальных хозяйств на организацию колхозов на землях из государственного фонда. Эти территории находились преимущественно в береговой полосе и занимали бывшие культурные участки. Удобная земля, расположенная в непосредственной близости от рынков сбыта и дорожных магистралей, предназначалась исключительно для создания «показательных товарных хозяйств социалистического типа: совхозов, колхозов, артелей и прочих объединений» [38]. С 1927 г. колхозы получили территории, находящиеся в ведении комитета Государственного земельного имущества (ГЗИ), в бесплатное и бессрочное пользование. Земли, принадлежащие колхозам, находились преимущественно в береговой полосе и занимали бывшие культурные участки. В 1929 г. в округе планировалось отвести 30 тыс. 500 га земли для совхозов. Отвод земли должен был производиться «почти исключительно за счет земельных излишков трудового землепользования...» [39]. Таким образом, в ходе реализации землеустроительной политики в конце 1920-х гг. происходит постепенное вытеснение из сельскохозяйственного производства индивидуального крестьянского хозяйства.

Одним из методов модернизации аграрного сектора округа являлась сельская колонизация. В отличие от переселенческой политики дореволюционного периода в годы НЭПа целью сельской колонизации Черноморья являлось не только заселение пустующих земель, но и создание «сырьевой базы», обеспечивающей курортную сеть овощами, фруктами и мясомолочными продуктами. Для выполнения этого задания необходимо было провести детальное обследование географических условий и социально-экономических возможностей округа. В соответствии с приказом Наркомзема это обследование проводилось в 1925 г. Поволжской колонизационной мелиоративной экспедицией, которая, помимо Черноморского округа, проводила аналогичную работу в других округах Северо-Кавказского края [40]. В отчете о проведенном обследовании относительно Черноморского округа было заявлено, что в «районе с чрезвычайно разнообразными условиями, в котором естественно-исторические признаки меняются на каждом шагу, ... мы имеем меньше всего необ-

ходимого материала, освещающего хозяйственные условия...» [41]. По этому заявлению можно судить о том, что обследование Черноморского округа было выполнено недостаточно полно и тщательно. Кроме этого, к работе не были подключены местные специалисты, также в процессе выполнения задания не учитывалось «общественное мнение с точки зрения оценки ... мероприятий по колонизации» [42]. Все эти упущения впоследствии отразились на результатах переселенческой политики.

В соответствии с заданием Наркомзема РСФСР в течение пятилетки, с 1928 по 1933 гг., в округ планировалось переселить 20 тыс. человек. Основной объем работ был сосредоточен в районе Сочи, где в период 1928–1929 гг. должны были поселиться 5 тыс. человек [43]. Надо отметить, что местные власти и специалисты считали первоочередными задачами развития округа землеустройство старожилов, строительство дорог, восстановление и развитие уже существующих крестьянских хозяйств, но их мнение не было принято во внимание [44]. Сельская колонизация не достигла своей основной цели – поднятия производительных сил черноморской деревни по следующим причинам: низкая готовность колонизационных фондов для проживания и хозяйственного освоения; недостаток денежных средств на обустройство переселенческих участков и снабжения переселенцев; отсутствие у новоселов

навыков хозяйствования в условиях округа.

Осуществление налоговой политики также проводилось без учета особенностей черноморской деревни. Со второй половины 1920-х гг. повышаются суммы налогов с производства специальных культур и неземледельческих занятий, т.е. налоговый пресс ставил определенные ограничения для развития основных доходных отраслей крестьянских хозяйств округа [45].

Таким образом, в 1920-е гг. государственное регулирование черноморской деревни проводилось без учета местной специфики, по общероссийским стандартам. Такой подход не мог устранить основные противоречия в ее развитии, которые заключались, с одной стороны, в больших возможностях для эволюции высокотоварного сельскохозяйственного производства, с другой стороны, – в преобладании бедняцких хозяйств.

В начале 1930-х гг. основным направлением в развитии Черноморья становится реконструкция курортной отрасли и создание инфраструктуры городов-курортов. Этот период совпал по времени с проведением сплошной коллективизации, поэтому в качестве продовольственной базы для курортных учреждений стали рассматриваться исключительно совхозы и колхозы. Производственный потенциал крестьянских хозяйств Сочи остался нереализованным.

Литература

1. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). – Ф. Р-1390. – Оп. 1. – Д. 678. – Л. 60.
2. Тверитинов, И. А. Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX – начале XX вв. [Текст] / И. А. Тверитинов. – Сочи, 2000. – С. 48.
3. См. напр.: Торлакян, Б. Г. Этнография амшенских армян [Текст] / Б. Г. Торлакян. – Краснодар, 2002. – С. 186; Попов, А. Понтийские греки [Текст] / А. Попов // Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. – Краснодар, 2000. № 2. – С. 102.
4. Домашек, Е. В. Причины появления чешских поселений на Черноморском побережье Северного Кавказа во второй половине XIX в. [Текст] / Е. В. Домашек. – Новороссийск, 2006. – С. 38.
5. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). – Ф. Р-9. – Оп. 1. – Д. 993. – Л. 45.
6. Виды на урожай хлебов, трав, плодов и табака в Черноморской губернии в 1915 г. [Текст] / По данным добровольных корреспондентов на 25–31 мая. – Тифлис, 1915. – Вып. 1. – С. 5.

7. Там же. – С. 6.
8. Зорина, А. К истории дачных и культурных участков на Северо-Восточном берегу Цемесской бухты [Текст] / А. Зорина // Исторические записки. – Новороссийск. – 1996. – Вып.2. – С. 196–197.
9. Тверитинов, И. А. Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX – начале XX вв. [Текст] / И. А. Тверитинов. – Сочи, 2000. – С. 164–185.
10. Зорина, А. Указ. соч. – С. 198–199.
11. Козлов, Л. Краткий очерк переселенческих участков Черноморской губернии [Текст] / Л. Козлов. – Тифлис, 1906. – С. 128.
11. Гозулов, А. И. Морфология населения [Текст] / А. И. Гозулов. – Ростов н/Д., 1929. – С. 392–393.
12. Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. V. – М. 1928. – С. 260–261.
13. ЦДНИКК. – Ф. Р-9. – Оп. 1. – Д. 993. – Л. 44.
14. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 16. – Д. 1002. – Л. 64.
15. Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. V. – С. 48, 50–51.
16. Население и хозяйство Кубано-Черноморской области: стат. сборник за 1922–1923 гг. [Текст] / Под ред. проф. В. И. Смирнского. – Краснодар, 1924. – С. 489.
17. Там же. – С. 480.
18. ГАРО. – Ф. Р-2443. – Оп. 4. – Д. 308. – Л. 3.
19. Архивный отдел администрации города Сочи (далее – АОАГС). – Ф. Р-190. – Оп. 1. – Д. 48. – Л. 55.
20. АОАГС. – Ф. Р-25. – Оп. 1. – Д. 196. – Л. 51.
21. ГАРО. – Ф. Р-1390. – Оп. 1. – Д. 678. – Л. 68, 68об, 70об.–72об., 73–74.
22. ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись населения 1926 года [Текст]. Т. XXII. – М., 1928. – С. 347.
23. ГАРО. – Ф. Р-2443. – Оп. 1. – Д. 179. – Л. 25.
24. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИ-РО). – Ф. Р-7. – Оп. 1. – Д. 375. – Л. 223об.
25. АОАГС. – Ф. Р-25. – Оп. 1. – Д. 189. – Л. 17.
26. ЦДНИРО. – Ф. Р-7. – Оп. 1. – Д. 285. – Л. 5.
27. ЦДНИКК. – Ф. Р-9. – Оп. 1. – Д. 763. – Л. 190б.
28. Там же. – Л. 190б.
29. ГАРО. – Ф. Р-1390. – Оп. 5. – Д. 11. – Л. 240б.
30. ЦДНИКК. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 763. – Л. 190б.
31. ГАРО. – Ф. Р-1390. – Оп. 5. – Д. 11. – Л. 25.
32. ЦДНИРО. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 375. – Л. 222об.
33. РГАЭ. – Ф. 478. – Оп. 7. – Д. 2984. – Л. 21.
34. ЦДНИКК. – Ф. Р-9. – Оп. 1. – Д. 763. – Л. 70б.
35. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 16. – Д. 1003. – Л. 12.
36. ЦДНИКК. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 648. – Л. 84.
37. АОАГС. – Ф. Р-158. – Оп. 1. – Д. 195. – Л. 41.
38. АОАГС. – Ф. Р-158. – Оп. 1. – Д. 93. – Л. 13.
39. РГАЭ. – Ф. 478. – Оп. 7. – Д. 3017. – Л. 32.
40. Там же. – Л. 194.
41. АОАГС. – Ф. Р-25. – Оп. 1. – Д. 159. – Л. 75.
42. АОАГС. – Ф. Р-25. – Оп. 1. – Д. 412. – Л. 190.
43. РГАЭ. – Ф. 478. – Оп. 7. – Д. 2984. – Л. 120б.
44. Красный луч. – 1928. – 22 июня.